

ПРЕДИСЛОВИЕ

Культурно-историческая секция Владимирского окружного научного краеведческого общества за последние годы развила большую деятельность, главным образом, в части изучения архивных материалов, хранящихся во Владимире. Результатом этой деятельности явился ряд докладов, заслушанных на заседаниях секции и общих собраниях членов общества, и ряд статей, вышедших отдельными изданиями или напечатанных в местных журналах.

К настоящему времени секцией подготовлены к печати новые работы, относящиеся к истории, экономике и быту Владимирского края. Правление общества предполагало все эти работы выпустить одним изданием, но впоследствии от этой мысли пришлось отказаться, т. к. такое издание явилось бы и громоздким и дорогим. Решено было выпустить вместо этого несколько сборников, объединенных общностью темы, или освещающих один вопрос с разных точек зрения. Настоящий сборник и является первым таким опытом.

Собранные в сборнике материалы отражают несколько отдельных моментов из истории крепостного права и крестьянских движений на территории бывшей Владимирской губернии в XVIII веке. Из всех этих работ только статья Н. Воронина была в 1925 году помещена в журнале „Агитатор-Пропагандист“, но перепечатка ее в сборнике оправдывается тем, что она подверглась некоторой переработке и значительным дополнениям. Остальные статьи в печати появляются впервые.

Следующие исторические сборники Владимирского окружного научного краеведческого общества, объединенные общим заглавием, Из прошлого Владимирского края“, будут посвящены экономике и археологии.

Январь 1930 года.

*Правление Владимирского окружного
научного краеведческого общества.*

Н. Воронин.

Крестьянское движение в XVIII столетии во Владимирском крае.

В настоящее время мы обладаем очень небольшим запасом опубликованных документов и дел, относящихся к истории крестьянского движения во Владимирском крае в XVIII веке.

В общих сводных работах по крестьянскому движению в целом Владимирский край или совсем не освещается, или рисуется самыми общими тонами. В виду такого положения, каждый новый документ освещает уголок пока еще неясного революционного прошлого крестьянства нашего района. Тот материал, который лег в основу настоящей работы, является только первой частью, введением к общей истории крестьянских бунтов.

Относительный процент дел по крестьянскому движению к общей массе не высок. Так, архив Владимирской провинциальной канцелярии на 2000 дел имеет всего 3 дела. Наиболее богат материалом фонд Юрьевской провинциальной канцелярии, несмотря на свой небольшой объем.

В рамки настоящей работы входит Владимирская губерния за период 1725-1800 г. Слабее всего очерчены в материалах Судогодская, Гороховецкая и Ковровская округа.

Так как крестьянское движение этого периода во Владимирской губ. идет в ногу с обще-русским движением, то разработка ранее напечатанных и вновь найденных материалов произведена на основе выводов и положений, установленных историей крестьянства. Поэтому, каждому моменту движения в пределах нашего края предпосылается характеристика социально-экономических условий и состояния движения в обще-русском масштабе. Таким образом, местный материал, не теряя своего местного интереса и значения, входит в русло истории крестьянского движения в России в XVIII столетии.

Основной причиной крестьянских волнений было несоответствие роста производительных сил с формами земле-владения и землепользования; и в том и в другом случае несоответствие было вызвано ростом капитализма и потреб-

ностями его дальнейшего развития, неукладывавшегося в правовые рамки крепостных отношений. Это несоответствие порождало экономический гнет и превращало крестьянскую бедность в полную беспросветную нищету. Кроме этого гнета, был и другой гнет личной зависимости от помещика ¹⁾. Этот гнет к началу XVIII в. был уже в значительной степени нестерпим, почему мы видим (особенно с момента введения подушных податей) стремление крестьянства как бы то ни было освободиться из-под власти помещиков. При Петре I крестьянство стремится использовать указ о волонтерстве крестьян в Петровскую армию; крестьянин меняет условия крепостного быта на условия быта военного; скоро этот указ, как невыгодный помещикам, был отменен. Затем распространяются слухи об указе, коим, якобы, велено принимать „всякого чина людей в вольное казачество“, отчего открывается повальное бегство на Дон и в Южные степи. Это, видимо, рефлекс революционной практики Разиновщины и Булавинского мятежа, освященный, что характерно для движения XVIII в., верой в улучшение участи сверху, почему стремление к воле санкционируется хотя и легендарным указом. Эта психологическая черта крестьянских движений, что все заветнейшие мечтания крестьянства освящались в его глазах авторитетом высшей власти, пройдет через весь XVIII в. Основой этой слепой веры в „царя батюшку“ было еще неокрепшее классовое сознание крестьянства, и последнее, естественно, думало опереться на существующую власть ²⁾.

От невыносимых условий жизни бегут крестьяне и на заводы, или к более богатому помещику, где, казалось, легче жить, но попадают в худшее рабство. Произвол помещиков принудил Петра I указом ограничить их власть, вплоть до удаления от владения бессмысленно жестоких помещиков, как их называет Петр — „дураков“; но указ оставался указом и на практике крестьян не охранял. При Петре и его преемниках, до Елизаветы, мы наблюдаем относительное затишье и крестьянское движение проявляется отдельными вспышками — спорадически. В крестьянских массах накапливается та энергия и гнев, которые выльются с 50-х годов в хронических волнениях и отметят вторую половину XVIII века знаком русской жакерии.

От второй четверти XVIII столетия мы имеем волнения 1730 года монастырских крестьян Никитского Переславского монастыря ³⁾. Волнуются 10 селений. В донесении архиман-

¹⁾ Коц Е. — Крестьянское движение в России, стр. 6 и след.

²⁾ Там-же

³⁾ А. В. Смирнов. — Материалы для истории Владимирской губ. В. IV. Влад., 1906 стр. 1, 2, 5—11.

дритя синоду говорится, что дьячок Черногаев „прельстил“ крестьян к послушанию, но из другого дела ¹⁾ мы видим, что не „обольстительная“ агитация этого дьячка привела монастырские вотчины к непослушанию, а несправедливые грабительские поборы самого архимандрита Андрея Первухова. Вот выдержки из „реестра о непостоянстве и обидах архимандрита Андрея Первухова, что он чинил в бытность свою в обители“: „он же, архимандрит, брал взятки: в д. Криушкиной 2 п. меда, в с. Лучинском 2 п. меда и голову сахара, в с. Фалалееве (за скудностью меда не дали) бил 26 человек крестьян нагих батожем—один умер; в д. Ягренева 1 п. меду“ и т. д. „Своим вымыслом собрал с выти по барану—50 петровских баранов, а прежде собиралось деньгами малое число“. При поездках требовал двоечных лошадей, чем „отягощал“ крестьян; двоечную же лошадь требовал, чтобы отвести матери „китайского гуса“. Расстратив казенные деньги, понуждал сотских и десятских подписать ложное обвинение в растрате житенного подъячего, а за отказ „саморучно“ бил сотского д. Ягренево по щекам, и, „положа на сани, велел бить в два кнута“. „При поездках по вытам бил крестьян батожем“. „Несправедливо забирал в рекруты, а подававших челобитные бил батожем“.

Мы больше не приведем ни одного пункта этого скорбного крестьянского мартиролога, однако и взятые выдержки дают достаточную картину положения монастырских крепостных и отношений к ним помещиков—церковнослужителей. Ход волнения переславских крестьян из дела не ясен, известно только, что архимандрит, прослышав про крестьянскую жалобу, бежал и об его сыске была учинена обычная с барабанным боем публикация. Нашелся он или нет, из дела также не видно.

Такая же вспышка крестьянского недовольства имела место в ноябре 1743 г. в приписном к Покровскому, что на Нерли, монастырю селе Новом ²⁾. Крестьяне отказали в даче монастырю продуктов и „наглостью своею заявили“, что „в послушании у игумена быть не хотят“; чтобы нанести окончательный удар запасам монастыря, крестьяне сожгли хлебный овин в с. Новом, принадлежавший монастырю.

В 1742 г. волновались крестьяне приписного к Боголюбовскому монастырю с. Суромны. Они отказались выполнять монастырские работы, поставлять лошадей и проч., чем вызвали челобитную на них крестьян села Доброго, коим пришлось, во время возмущения Суромнских крестьян, нести тяжесть двойных повинностей ³⁾.

¹⁾ Смирнов, стр. 5—11.

²⁾ Дело Влад. пров. канц. № 495.

³⁾ Дело Влад. пров. канц. № 2098.

Недовольство Боголюбовских крестьян подогревалось тем, что с 1722 г. по монастырю производились ежегодно большие строительные работы, которые требовали активного участия крепостных. Благодаря этому, волнения здесь имели хроническую форму. По свидетельству архим. Иннокентия (1751 г.) „от крестьян работ и поставки чрез лет, по сказанию, с 60 не бывало и того через много лет непоставкою и всегдашним упрямством монастырю привели монастырь в всеконечное раззорение и скудость“. Архимандрит ссылается на грамоты, хранящиеся в монастыре, по которым „велено вотчинных Боголюбова монастыря крестьян, плутов и мошенников, за их проступки и противности и за ложное челобитье, наказывать, с'ем рубахи, бить батоги вместо кнута“.

В 1742 г. крестьяне, ворвавшись в монастырь, „били дубьем игумена Михаила с братией“.

В 1751 г. повторили те же „озорничества“. Каждый взрыв недовольства заканчивался битьем плетью преступников. Одной из причин недовольства были также несправедливые поборы и бесчинства упомянутого архимандрита Михаила; дело по расследованию его беззаконий дошло до синода.

16 июля 1750 г. в Муромской воеводской канцелярии бил челом староста вотчины Борисоглебского монастыря д. Татарова, что крестьяне отказались платить оброк и выполнять монастырские работы. Как выясняется из допроса, поводом к отказу было обложение сверх оброка барщиной. По разборе дела арестованные крестьяне были выпущены ¹⁾.

В 1762 г. отписные Муромского собора деревни Новошино и Малышево волновались в связи с возникшим делом о принадлежности их к соборной вотчине. Решение в пользу собора было об'явлено деревням через приказного Баскакова, крестьяне же „паче надеясь на свои прежние озорнические поступки и непослушания, о которых как в прав. сенате, так и в св. синоде и прочих присутственных местах известно, не только чтобы во исполнение предписанного именного указа должное послушание имели, но и сверх того по обыкновенному своему озорничеству с жалованных того собора лугов сено свозят в дома свои и тем причиняют совершеннейшее раззорение“. Вследствие прекращения подвоза оскудела соборная казна и начался падеж скота. Челобитная называет „главных заводчиков и пущих предводителей“ старосту д. Новошина Д. Андреева, „прежнего возмутителя Иванова“ и 9 крестьян. Местными средствами волнение сломить не удалось и дело перешло в сенат ²⁾.

¹⁾ Дело Муромской Воеводской канцелярии, № 70.

²⁾ То же, № 121.

Такого же рода „непослушание“ имело место в вотчине Борисоглебского Муромского монастыря в 1762 г. Крестьяне д. Степаньково, Барановки, Сашина завладели монастырской землей и засеяли ее своими семенами; монастырские работы не выполнялись, а для управления был взят мещанин Добродеев, который, якобы, „подстрекал крестьян к пушечному отложению“. Дав отпор двум посланцам канцелярии, крестьяне вели себя вызывающе и грозили снять покос в 1763 г. весь себе.

Причиной волнения был слух об указе, коим монастырские вотчины отходят в коллегия экономи, когда же появился указ, подтверждающий право монастыря на владение,—работы опять исполнялись крестьянами. Когда по окончании их крестьяне требовали квитанций, архимандрит и казначей не дали, а взамен того били просивших палками. Добродеев же был взят для письма 3-ей ревизии. Высочайшим указом, тем не менее, было повелено главных возмутителей при собрании „сечь плетью нещадно“, а убытки выскать¹⁾.

Тот же указ о переходе монастырских вотчин в коллегия экономи поднял крестьян Муромского Спасского монастыря (в 1762 г.). С этого времени монастырские работы не выполнялись, а в мае 63 года крестьяне с-ца Орлова, „собравшись многолудством“, напали на монастырь и увели всех сторожей. Монастырские земли были засеяны крестьянами и продукты, собираемые с разных угодий, шли в пользу крестьян. Муромская канцелярия принуждена была обратиться в коллегия экономи. В поданном туда доношении указываются главные зачинщики: староста с. Орлова Ф. Иванов и 9 крестьян; крестьяне д. Зарослова—3 ч.; выборный д. Столбищ Игнатъев с крестьянами; выборный д. Михалева Ильин и 2 кр.; выборный с-ца Михайлова Болотин с крестьянами; 4 крестьянина деревень Обрамовой и Выползовой. Коллегия экономи приказала забрать ослушников к допросу и приказать: возвратить завлажденные угодья и „собранные воровски припасы“, а также уплатить рублевый сбор. Из допроса выясняется, что крестьяне после указа об обратном прикреплении к монастырю исполняли „со всяким подобострастием“ монастырскую работу. Со стороны же наместника архимандрита—казначея Сильвестра—чинились им большие обиды: он понуждал их подписывать ложные расписки, а при отказе сек плетью нещадно, денег за работы не платил. По расследовании была по деревням произведена экзекуция зачинщиков; забранные в канцелярию крестьяне дали подписку в послушании. Тем не менее, в это время

¹⁾ Архив Мур. Воев. канц., № 121.

староста с. Орлова и Болотников ушли по крестьянским делам в Москву ¹⁾.

В 1764 г. были поданы в Муромскую канцелярию сведения о недоборах с крестьян, были они взысканы или нет — не ясно ²⁾. После указа 1764 г. о секуляризации группа бывших вотчинных крестьян отписалась в муромское купечество ³⁾.

О таком же отказе от монастырских работ говорит челобитная игумена Гороховского Никольского монастыря. Крестьяне д. Бедихи приходили на монастырский двор, бранили и бесчестили игумена „великим криком“ и сказали, что слушать его не хотят. Каков результат этого волнения, за деформированностью дела неизвестно ⁴⁾.

Характерно, что мы имеем бунты именно монастырских крестьян, т. к. они и составляют главный процент движений за эту пору. Положение монастырских рабов было хуже, чем положение помещичьих крестьян, и, по замечанию историка крестьянского движения, все они до секуляризации находились в восстании. Нужно оговориться, что в нашем распоряжении имелись архивы только гражданского ведомства, судить же о восстаниях монастырских крестьян можно только по фондам духовных учреждений (напр. консистории), и этот вопрос может стать темой особой работы. Разобранные же дела Владимирской канцелярии являются как бы случайно попавшими в руки учреждения гражданского.

При черновом разборе материалов попалось дело, касающееся неповиновения крестьян Боголюбова монастыря в 1683 г. Хотя в хронологические рамки этой работы и не входит XVII в., но в виду большой редкости материалов по движению этой поры и для большей полноты характеристики особого положения монастырских крепостных, привести его будет нелишним ⁵⁾.

Уже в 1682 году вотчинные крестьяне Боголюбова монастыря били челом Владимирскому воеводе Наумову, что они истари косят и пашут монастырскую жеребьевую землю, а игумен того монастыря, Никон, наложил сверх монастырской работы „на пятьдесят вытей по рублю с выти“, и „от тех де прибавочных податей они, крестьяне, оскудели“. По этой челобитной была послана грамота игумену с братией, чтоб они не чинили крестьянам работ сверх прежних. Игумен ответил обвинением, что „оныя плуты челобитье написали ложно“, чему последовал царский указ об обложении этих

¹⁾ Муром воев. канц., дела № 119, 121, 126.

²⁾ Муром. воев. канц., д. № 128.

³⁾ Муром. воев. канц., д. № 131.

⁴⁾ Горох. воев. канц., д. № 20 1763 г.

⁵⁾ Дело относится к связке бумаг и книг утраченного архива Боголюбова монастыря.

„плутов“ не в пример остальным, а также об очной ставке челобитчиков с игуменом. Бунтовщики же „это ни во что поставили“ и на очную ставку не явились. Зачинщиком возмущения называется „плут, мятежник и раззоритель“ Ивашка Бусыга.

По этому делу крестьяне села Ославского дали показание, что Ивашка, проживающий по мирскому приговору в Москве, чинящий на игумена „ябидничества и улики“, явился в мае месяце в село и, созвав их, поднимал идти на монастырский двор к казначею и «взять те вытные деньги 50 рублей»; а еще говорил, что „ныне на Москве заматия великая идет и боярские дома разоряют“. Крестьяне отказались от грабежа казны, а Ивашка, опять ушедший в Москву, на притязания игумена отвечал, что „ходит в Москве с заручной челобитной за мирскими делами“.

Последовавший затем царский указ повелевает, что если крестьяне „не запрутся“ и признают монастырские работы, а свое челобитье ложным, то „того вора Ивашку Бусыгу и Якушку Быкова с товарищи“ при игумене с братией за их воровство наказать—„бить батогами нещадно, сняв рубахи, вместо кнута“, чтоб, глядя на них, „иным неповадно было воровать“, а также прочесть государев указ, чтоб „не было впредь спору и челобитья“.

Таким образом, мы видим, что еще с 80-х годов XVII века в массе вотчинных монастырских крестьян подготавливалось движение и их положение было тяжким еще при первых Романовых. Характерным в деле является указание на „крестьянское оскудение“—следствие монастырских чрезвычайных работ. Это оскудение и пролетаризация крестьянства, о чем для иных слоев крепостных мы заметим значительно позже, для монастырских владений началось ранее, и, в виду его бесцельности и невыгодности для государства, вызвало указ 1764 г. о секуляризации.

Видимо, не только эти довольно мирные движения монастырских крестьян имели место во второй четверти XVIII в. На это косвенным образом указывает следующий факт ¹⁾: помещица Садыкова, желая посчитаться с соседним помещиком Беречинским из-за дворовой девки, доносит на его крестьян в Юрьевскую канцелярию о разорении и ограблении ее дома. Вот как в ее челобитной рисуется это крестьянское бесчинство.

„Крестьяне помещика Беречинского, скопом и сговором собрався, незнамо сколькими людьми, всего человек со сто и больше, с огненным оружием, с рогатины и с дубьем, с ножами и топорами, на лошадях верхами и в телегах и

¹⁾ Дело Юрьевской пров. канц. № 4, 1750 г., июнь.

пешими, приехав и пришед (в село ее, Новоселку), воровски в дом помещиков ворвались и воровски и разбойнически на помещичьих хоромы кровлю разломали и желобья разбросали“, и „отломив сени, у горниц двери и крюки выломали и скобы выбили“, „и взошед в хоромы меня, именованную, всякой скверной бранью браня, изорвали у рубахи на мне рукава и вынули из ушей серьги серебряные с алыми камнями, с шеи сняли перло жемчужное, да с руки золотой перстень с изумрудом зеленым, и кричали бить и резать до смерти“. Едва Садыкова успела скрыться в людских избах, как начался грабеж—хрусталь, серебро, платья, выездные лошади—все было забрано и увезено „неведомо куда“. Дворовые люди были „смертно биты и рогатины колоты“.

Дело по челобитной Садыковой тянулось чрезвычайно долго, страдает многими туманностями и неясностью; видимо, обе стороны желали или скорее ликвидировать дело, или запутать. Но реальность картины, набросанной так ярко пером приказного канцеляриста, заставляет думать, что подобные прорывы гнева помещичьих крестьян неоднократно имели место в этот период. Мелкие столкновения между помещиком и крепостными отмечаются нашими материалами не раз.

Так, 25 ноября 1737 г. крестьяне д. Ивановской, не желая подчиняться своему новому помещику Дирину, собрались на двор его дома и ругали его и жену и, кроме того, грозились убить их. Вышедшего к ним помещика крестьяне уволокли на задний двор и „повалив на землю били и топтали“. Поводом к волнению была неотдача дворовой девки замуж, а взятие ее к себе „для услуг“¹⁾.

В 1739 г. в феврале месяце вышли из повиновения крестьяне селца Звенцова помещицы Блудовой; они отказались от барских повинностей и работ и были приведены в повиновение через суд²⁾.

Таким образом, мы видим, что первую половину XVIII в. крестьянское движение еще слабо развито, оно наиболее ярко выражено в среде монастырских крестьян, и прекращается после секуляризации, если не считать частичного их участия в пугачевщине. Волнения же помещичьих крестьян находятся в стадии первоначального развития, они разрозненны, немногочисленны и мелки.

Объяснение этому нам дает беглый взгляд на экономику страны в данный период.

Существенной чертой хозяйственного быта XVIII в. является окончательное разложение натурального хозяйства под напором зарождающегося хозяйства капиталистического,

¹⁾ Дело Владим. пров. канц. № 2012.

²⁾ Дело Владим. пров. канц. № 2012.